

---

---

М. А. САЛМИНА

## Летописная Повесть о нашествии Тохтамыша (к вопросу о времени создания памятника)

Среди тем, которые поднимались мной на Первых чтениях, посвященных Дмитрию Сергеевичу, была одна: напомнить о существовании и широком распространении в средневековой письменности трактата византийского писателя VI—VII вв. Георгия Хировоска «О образах», сохранившегося в переводе в «Изборнике Святослава 1073 г.» и в сборниках смешанного состава XIII—XVI вв. Произведения Хировоска посвящали свои статьи Е. Э. Гранстрем, Л. С. Ковтун, Г. К. Вагнер, А. Е. Супрун и другие исследователи.<sup>1</sup> Этот трактат о поэтических образах являлся своеобразным руководством при сложении древнерусских художественных текстов и представлял толкование целого ряда поэтических форм, например метафор, приклада, притчи. Для меня в этом сочинении существенным оказалось следующее: при использовании в произведениях различных стилистических средств Георгий Хировоск на первый план выдвигал аллегорию, инословие, которое трактовалось им как некий символический образ.<sup>2</sup> Инословие есть, когда говорим одно, а разумеем иное, — писал он.<sup>3</sup>

Если обратиться к памятникам XVII в., то там прием иносказания мне удалось обнаружить в свое время в одной из повестей о начале Москвы, в повести о пустынноике Букале, которая, как оказалось, отразила реальные исторические события, имевшие место в XVII в., — борьбу между патриархом Никоном и крутицким митрополитом.<sup>4</sup>

В XVI в. использование в произведениях приема аллегории отмечал еще Дмитрий Сергеевич Лихачев. В статье «Иван Пересветов и его литературная современность» он писал: «...широкое развитие в публицистике XVI в. приобретает аллегория»; она «встречается в Повести о Псковском взятии Псковской первой летописи под 1510 г.». В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа».<sup>5</sup> Прием иносказания представлен также в сочинениях Ивана Пересветова.<sup>6</sup>

---

<sup>1</sup> См.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 99—108, 139—152; Супрун А. Е. Славянская филологическая мысль XI—XII вв. как часть культуры Древней Славии // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. Минск, 1985. С. 78.

<sup>2</sup> Вагнер Г. К. Статья Георгия Хировоска «О образах» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 141.

<sup>3</sup> См.: Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983. Л. 237 об.

<sup>4</sup> Салмина М. А. «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» как литературный памятник // Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 154—166.

<sup>5</sup> Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 51.

<sup>6</sup> Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения // Там же. С. 16—17.

Для XVI в. опыт в определении памятников, где использован прием иносказания, теперь накоплен и мною. Так, считаю я, иносказание содержат «Задонщина» Кирилло-Белозерского списка, «Сказание о Мамаевом побоище» и, наконец, «Слово о житии Дмитрия Ивановича царя Русьскаго», которое было задумано его автором как великого князя и царя Василия III житие, о чем я говорила на предыдущих Лихачевских чтениях.<sup>7</sup> Все эти памятники датируются мною XVI в., и во всех случаях важно было найти ключ к разгадке. Существенную роль при этом сыграла и расшифровка имеющейся в некоторых из этих памятников тайнописи, немаловажное значение которой отводили в своих исследованиях И. И. Срезневский, П. А. Лавровский, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, а в наше время А. А. Турилов.<sup>8</sup>

Тема моего сегодняшнего доклада — пространная летописная Повесть о нашествии Тохтамыша, старшие списки которой находятся в Н4Л, С1Л и Новгородской Карамзинской летописях. Помещена она здесь под 1382 г. и имеет заглавие: «О пленении и о приходе Тахтамыша царя и о Московском взятии». Но так как старшие списки «Слова о житии Дмитрия Ивановича царя Русьскаго» также содержатся в этих летописях, а самое «Слово о житии» совершенно бесспорно, считаю я, датируется XVI в., то и эти летописи нужно считать относящимися не к XV в., а к XVI в.<sup>9</sup> Следовательно, и Повесть о Тохтамыше этих летописей должна датироваться XVI в. «Слово о житии Дмитрия Ивановича царя Русьскаго», как говорилось, памятник иносказательной литературы, и естественно было бы ожидать, что иносказание может присутствовать и в Повести о нашествии Тохтамыша. Так оно, на мой взгляд, и случилось.

Что представляет собой эта повесть, о чем в ней говорится? В ней рассказывается о том, как татарский царь Тохтамыш отправился на завоевание Москвы, в которой княжил тогда великий князь Дмитрий Иванович. Вел он свое войско стремительно и тайно, не давая вестям обогнать себя, чтобы не услышали о походе его. Дмитрию Ивановичу не удалось собрать войско против Тохтамыша, и он уходит из Москвы в Кострому. Тохтамыш же со своими татарами осаждают Москву и захватывают город, несмотря на героическое сопротивление его защитников, возглавляемых литовским князем Остеем.<sup>10</sup>

При чтении текста повести обращает на себя внимание следующее: москвич суконник Адам стреляет в татарина с Фроловских ворот. Но известно, что стрельница Фроловских ворот Москвы была возведена только в 1491 г. италъ-

<sup>7</sup> Салмина М. А. 1) «Нарицъ на Чечъ» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 231—233; 2) К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 251—264; 3) К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 173—177.

<sup>8</sup> Срезневский И. И. Замечание о русском тайнописании. СПб., 1871; Лавровский П. А. Старорусское тайнописание // Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1870. Т. 3, вып. 1. С. 29—55; Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 110—113; Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4; Турилов А. А. 1) Малоизвестные системы восточнославянской книжной тайнописи // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 102—108; 2) «Неучтенная» система южнославянской книжной тайнописи XV в. // Folia Slavistica: Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 143—145; 3) Тайнописная система приписки в Пандектах Никона Черногорца // «Индрик»: 10 лет. М.: Индрик, 2003. С. 130—137.

<sup>9</sup> См.: Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода. С. 173—182.

<sup>10</sup> См.: Повесть о нашествии Тохтамыша / Подгот. текста, перевод и коммент. М. А. Салминой // ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 190—207, 558—560; То же // БЛДР. Т. 6. XIV—середина XV века. СПб., 1999. С. 190—205, 543—544. Текстологическому исследованию Повести о Тохтамыше посвящена статья: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 134—151.

янцем «Петром Антонием от Медиолана». <sup>11</sup> Далее: горожане говорят, что они не боятся «поганных татаръ», так как в «граде» «суть стѣны камены и врата желѣзна». Изменник князь Олег сообщает татарам, «како бес труда взяти камень град Москву».

Согласно сведениям иностранцев, и в частности итальянца Амброджо Контарини, в Москве в конце 70—начале 80-х гг. XV в. каменных стен еще не было. Каменные стены крепости стали возводить в самом конце XV—начале XVI в. с помощью итальянских зодчих, тогда же начали возводить и врата, створки которых обивали железом. <sup>12</sup>

Таким образом, в памятнике присутствуют детали, характеризующие уже явно позднюю Москву и только подтверждающие высказанное ранее положение, что Повесть о Тохтамыше — произведение XVI в. <sup>13</sup>

Но текст повести удивляет еще и целым рядом встречающихся в нем сведений. Так, одним из действующих лиц в повести оказывается митрополит Киприан. В ней сообщается: «А Киприанъ митрополит проиеха на Москву». Но в летописных известиях, следующих сразу за тестом повести, говорится, что Киприана в Москве не было, во время всех событий он отсиживался в Твери: «...тамо избывшу ему ратнаго нахожения». <sup>14</sup>

Не менее странным выглядит и известие повести о том, что «народи мятежници» в городе «створиша вѣче, позвониша въ вся колоколы», хотя существование веча в Москве ни в каких источниках не обнаруживается, да и приезжавшие в XV—XVI вв. в Москву иностранцы о наличии там веча никогда не упоминали.

Странным звучит и сообщение повести о том, что в самый разгар мятежа «в град» «приеха» «нѣкоторый князь литовский именемъ Остѣй, внукъ Олгердов». Он усмирил мятеж, ободрил людей и затворился с ними в граде в осаде. <sup>15</sup>

Возникает вопрос: в конце концов причем тут город Москва и вдруг литовский князь в ней, и при всем этом какое-то странное поведение великого князя Дмитрия Ивановича, отказывающегося защищать город?

Обращает на себя также внимание описание в повести защитников города — это не только бояре и священнослужители, это по большей части купцы, торго-

<sup>11</sup> Об этом свидетельствует запись на русском и латинском языках, сделанная по обе стороны ворот в XVII в., когда Фроловские ворота стали называться Спасскими (с 1658 г.). На русском языке: «Кремля города изнутри на Спасских вратах руское писмо: В лето 6999-го июля Божиею милостию зделана бысть сия стрелница повелением Иоанна Васильевича, государя и самодержца всея России и великаго князя владимирскаго, и московскаго и новгородскаго, и псковскаго, и тверскаго, и югорскаго, и вяцкаго и пермскаго, и болгарскаго и иных в 30 лета государства его, зделал Петр Антоние от града Медиолана» (см.: Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 187). Возможно, и сами Фроловские ворота были возведены тогда же: сведения о них начали появляться только в памятниках XVI в. — «Сказании о Мамаевом побоище» Н4Л, С1Л и Новгородской Карамзинской летописях. См.: Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 284—291. См. также: Белоброва О. А. Латинская надпись на Фроловских воротах московского кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Новые атрибуции. М., 1987. Сб. 5. С. 51—57.

<sup>12</sup> Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подгот. текста, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. Контарини пишет: «Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город» (Там же. С. 227). Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988: Иоани (Иван III) «впервые построил стены московской крепости, своей резиденции, каковые можно видеть доселе» (С. 68), «это сооружение было окончательно завершено его потомками почти тридцать лет спустя» (С. 133). См. также: История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 65.

<sup>13</sup> О позднем происхождении повести говорит также упоминающееся в ней огнестрельное оружие — пушки. Литье пушек в Московской Руси началось в конце 70—начале 80-х гг. XV в. См.: Хороскевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 238.

<sup>14</sup> Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 192, 206.

<sup>15</sup> Там же. С. 192, 194.

вые люди, в том числе и суконники, купцы, торговавшие сукном. Упоминаются сурожане, как можно думать, жители города, располагавшегося в XVI в. по берегам Западной Двины и называвшегося «королевским замком», или жители другого Сурожа на р. Нарева, притоке Западного Буга, — литовского города, получившего магдебургское право, в XVI в. принадлежавшего польскому королю Сигизмунду Августу.<sup>16</sup> Описываются и необыкновенные богатства жителей города, упоминаются «казны» «боярь старѣшихъ», долгие годы «сбираемы и благоденствомъ наплняемы», «храмины» купцов «наполнены всякого добра», богатства каменных храмов,<sup>17</sup> в которых находилось множество «златомъ и сребромъ, и женчугомъ, и бисеромъ, и каменнемъ драгымъ» украшенных икон, множество златокованных и серебряных сосудов и многоценных священнических риз.<sup>18</sup>

Особо обращает на себя внимание упоминание в повести большого количества книг, снесенных из сел и всего города и наваленных до потолка в соборных церквах «схранения ради». И опять встает вопрос: похоже ли все это на Москву даже XVI в.?

По описаниям иностранцев, того же Герберштейна или Джерома Горсея,<sup>19</sup> Москва XVI в. так не выглядела. Замечу еще, что стрелявший с Фроловских ворот горожанин-суконник именуется в повести Адамом, именем не то литовским, не то польским (по аналогии с именами деятелей конца XVI—начала XVII в., польскими князьями — паном Адамом Вишневецким, польским послом Адамом Новодворским, полководцами армии Самозванца — Адамом Жулицким и Адамом Дворжецким; Адам Сабловский служил в скарге великого князя литовского ревизором).<sup>20</sup>

В Повести о нашествии Тохтамыша таким образом описывается как будто и Москва, хотя и позднего времени (стрельница Фроловских ворот, каменные стены города), и в то же время скорее не она. В повести, похоже, идет речь о завоевании какого-то другого города. Но какого?

И тут я выскажу следующие свои соображения. Весь только что приведенный материал, на мой взгляд, позволяет думать, что в Повести о нашествии Тохтамыша речь идет совсем не о Москве. Речь здесь идет, скорее всего, о завоевании Иваном Грозным в 1563 г. во время Ливонской войны крупнейшего литовского города-крепости — Полоцка.

Почему именно Полоцка? В повести упоминается вече. Но тут не могут быть подразумеваемы ни Новгород, ни Псков, ни Смоленск. Эти города были присоединены к Московской Руси ранее. В Полоцке вече существовало с древнейших времен, а также во время владычества литовских князей вплоть до конца XV в., когда в 1498 г. ему было даровано магдебургское право.<sup>21</sup> Полоцк XVI в. был исключительно богатым городом. По сведению поляка Рейнгольда Гейденштейна, благодаря своему выгодному расположению на берегах Западной Двины Полоцк так сумел улучшить свое благосостояние, что богатством своим

<sup>16</sup> См.: Салмина М. А. Корсунь, Сурож и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 176.

<sup>17</sup> Каменные храмы в Москве начали появляться только в конце XV—XVI в. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. С. 133.

<sup>18</sup> Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 198, 200.

<sup>19</sup> Горсей Д. Записки о России XVI—начала XVII в. / Перевод и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990.

<sup>20</sup> См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 246; Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961. С. 145; Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI—XVII веках. М., 1988. С. 249, 328 и др.

<sup>21</sup> См.: Беляев И. История Полотска или северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии // Беляев И. Рассказы из русской истории. М., 1872. Кн. 4, ч. 1. С. 4—5, 293—316.

превзошел столицу Литвы Вильно. Ходила «молва, — писал Гейденштейн, — о древних богатствах знаменитого города и особенно находящейся в нем церкви св. Софии, о серебряных статуях, о богатейших дарах древних русских князей». «До взятия Полоцка москвитянами, — писал он, — там хранилось огромное количество золота и серебра не только казенного и церковного, но и частного, снесенного дворянами и купцами полоцкими, ввиду опасности осады, во храм (сходно с тем, что рассказывает повесть. — М. С.); но по взятии города москвитяне увезли с собою в Москву все сокровища, оставив немного пожертвований». Упоминает Гейденштейн и о существовавшей в Полоцке «библиотеке», имевшей «в глазах образованных людей» большую ценность. «Кроме летописей в ней было много сочинений греческих отцов церкви и между ними сочинения Дионисия Ареопагита <...> все на славянском языке».<sup>22</sup>

Не Москва, конечно, описывается в Повести о Тохтамыше. Существование несметных богатств из золота и серебра в конце XV—начале XVI в. в ней трудно представить. По свидетельству А. Л. Хорошкевич, исследовавшей внешнеторговые отношения Русского государства в XV—XVI вв., ввоз на Русь благородных металлов, которыми она сама не обладала, — серебра и золота и изделий из них был очень затруднен.<sup>23</sup> А в конце XV и начале XVI в. существовал запрет на ввоз на Русь серебра из Литвы и ганзейских городов.<sup>24</sup>

Не Москва изображена в повести еще и потому, что и купцов-суконников, которых автор называет в числе защитников города, в Москве тогда фактически не могло быть, хотя один из них — Адам — и именуется москвичом. По свидетельству той же исследовательницы А. Л. Хорошкевич, на Руси в XVI в. сукноделие, одна из ведущих отраслей ремесла средневекового города Европы, совершенно отсутствовало.<sup>25</sup> Сукно фландрского, английского и немецкого происхождения привозилось на Русь, например, из Холмогор, Нарвы, куда оно поступало из Голландии, ганзейских городов, через Английскую торговую компанию на севере.<sup>26</sup> А вот в Полоцке торговля сукном, судя по документам, например полоцким грамотам, была очень бойкой еще в XIV в. Сукно привозили в Полоцк главным образом немцы из Риги. В 1399 г. и позже литовский великий князь Витовт, как свидетельствуют полоцкие грамоты, закупал сукна у рижан.<sup>27</sup>

Как же в 1563 г. московские войска завоевывали Полоцк? Это был грандиозный поход, приготовления к которому, по словам исследователей Ливонской войны, держались в строгой тайне, о них не догадывались ни король Сигизмунд II Август, ни великий гетман литовский.<sup>28</sup> Рассказ об этом событии содержится в так называемой Лебедевской летописи, сохранившейся в списке второй половины XVII в. Вот что она сообщает: «Путное же царево и великого князя к Полотцску шествие» было «нужно и тихо», «царь и великий князь <...> заповѣдь великую положил: перешед за рубеж, изо всѣх полков никакова человека по кормѣ ни на иную ни на какую добычу отпущати не велѣл, чтобы тѣми

<sup>22</sup> Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 50, 66, 71. Гейденштейн описывает поход польского короля Стефана Батория на земли Русского государства в 1578—1582 гг., взятые им в 1579 г. у Ивана Грозного Полоцка.

<sup>23</sup> См.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 41—43, 68—76.

<sup>24</sup> Там же. С. 68—69, 73—76.

<sup>25</sup> Там же. С. 22.

<sup>26</sup> Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 279—280, 284—295, 301; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 33—38, 50, 58.

<sup>27</sup> См.: Полоцкие грамоты XIII—начала XVI вв. / Сост. А. А. Хорошкевич. М., 1977. С. 84 (грамота № 27 от октября [1399—1400 гг.]) и с. 89 (грамота № 31 от февраля 1491 г.) и др.

<sup>28</sup> См.: например: Королью В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 54.

малыми дѣлы болшого дѣла не теряли» (ср. в повести: Тохтамыш «ведяше <...> рать внезапно из невѣсти умѣниемъ тацѣмъ злохитриемъ — не даючи вѣсти преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его»).<sup>29</sup> Поход русского войска был столь неожиданным и столь стремительным, что в Литве опасались дальнейшего русского наступления на Вильну: Сигизмунд Август считал Полоцк «воротами» Великого княжества Литовского.<sup>30</sup>

В походе на Полоцк принимал участие Иван Грозный. Но, согласно Разрядным книгам, отразившим «Поход государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Полоцку зимою» 1563 г., и сведениям Лебедевской летописи, включившей данные разрядов, — передовой полк, который считался центром боевого построения, возглавлял военачальник по имени Тохтамыш.<sup>31</sup> Тохтамыш этот, по сведению Львовской летописи, был крымским царевичем, находившимся какое-то время у ногайского князя Исмаила, а в 50-х гг. XVI в. был отпущен им на службу к Ивану Грозному.<sup>32</sup>

Помимо бояр, детей боярских в походе принимали участие татары — царь Семион Касаевич Казанский, царевич Бекбулат, царевич астраханский Кайбула, царевич Ибак, мурзы ногайские. Иван Грозный в борьбе за Ливонию неоднократно использовал против королей Польши и Швеции войско, состоявшее из татар.<sup>33</sup> «Его жестокие, немилосердные татары» опустошили и ограбили «эту богатую страну и ее несчастных людей», — писал Горсей.<sup>34</sup>

Итак, из всего сказанного складывается, на мой взгляд, впечатление, что Повесть о нашествии Тохтамыша рассказывает не о захвате татарами Москвы, а о завоевании в 1563 г. Полоцка. Налицо использование, как и в других исследованных мною древнерусских повестях, приема иносказания.

Где была написана повесть? Напомню, что суконник Адам назван в повести «москвичом». Такое наименование персонажей — «москвич», «москвитин» — в древнерусских текстах обычно давалось теми, кто «москвитинном» не был. Так, в так называемой «Летописной повести о Куликовской битве», а вернее, как в ней самой говорится, — «Доновской битве» Н4Л, С1Л и Новгородской Карамзинской летописей рассказывалось о побежавших с поля боя «москвичах небывальцах». Повесть же эта сама оповещала (о чем я уже писала ранее), что она писалась в Литве, в Западной Руси: «А отсель, от страны Литовския, Ягайло князь Литовский прииде съ всею силою литовскою Мамаю помагати». <sup>35</sup> В Западной Руси были созданы и «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», которое выглядит, о чем я тоже уже писала ранее, отнюдь не промосковским, а также и самые летописи, эти повести содержащие. <sup>36</sup> Не в Московской,

<sup>29</sup> Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 305; Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 190. О Лебедевской летописи см.: Володихин Д. М. Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (Вопросы атрибуции) // Вестник МГУ. 1995. № 1. Сер. 8. История. С. 49—62.

<sup>30</sup> Корольюк В. Д. Ливонская война... С. 55.

<sup>31</sup> Разрядные книги пространной редакции: РНБ, Эрмитажное собр., № 389, л. 317, XVII в., Эрмитажное собр., № 390, л. 578, втор. пол. XVII в. (см.: Буганов В. И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 154, 168—169); Лебедевская летопись. С. 303—305. См. также: Разрядные книги // Витебская старина / Сост. и издал А. Сапунов. Витебск, 1885. Т. 4. С. 27—70.

<sup>32</sup> Львовская летопись. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 20, втор. пол. С. 578.

<sup>33</sup> Горсей Д. Записки о России... С. 69.

<sup>34</sup> Там же. С. 53.

<sup>35</sup> Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода. С. 181, примеч. 53. А. Л. Хорошкевич пишет: «В Литовском <...> княжестве Русское государство называлось Московским, а его жители — москвитами» (Хорошевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 84).

<sup>36</sup> Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода. С. 182—183.

а в Западной Руси, считаю я, была написана находящаяся в этих же самых летописях и Повесть о нашествии Тохтамыша. Она написана с явным осуждением захвата и разорения города и сочувствием к осажденным горожанам. Глубоко лиричен введенный в рассказ плач о гибели города. И, на мой взгляд, становится тогда понятной позиция автора повести, отстранившего от участия в событиях великого князя Дмитрия Ивановича: имя истинного завоевателя в той исторически сложившейся обстановке упоминать было не к чему. Он прибегнул к тому же самому приему, что и автор «Слова о житии...». В завуалированной форме он рассказал об одном из эпизодов Ливонской войны, очень чувствительном и для литовцев и поляков, — о завоевании Москвой Полоцка.

И слова повести «конец московскому пленению» (опять слово «московскому», исходящее, вероятно, не от москвича) надо, видимо, понимать не как окончание завоевания Тохтамышем Москвы, а как завершение пленения Москвой Полоцка.<sup>37</sup>

И в заключение я хочу повторить то, с чего начала, — осмелюсь пожелать исследователям древнерусских художественных текстов помнить о возможной приложимости к ним поэтической теории Георгия Хировоска. Определение наличия в произведениях инословия может существенным образом изменить представление и о самом памятнике, и о дате его создания.

<sup>37</sup> В свете вышеизложенного я отказываюсь от той датировки Повести о Тохтамыше, которая была дана мною много лет назад (см.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 150—151). Повесть надо датировать не серединой XV в., а во всяком случае второй половиной XVI в. Вместе с тем следует отказаться и от ранее высказанного мною положения, что Новгородско-Софийский свод или самостоятельно Н4Л, С1Л и Новгородская Карамзинская летописи сложились в промежуток времени между 1543 и 1548 гг. (см.: Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода. С. 179—180). Датировка свода 40-ми гг. XVI в. была основана мною отчасти на записи, представляющей собой выкладку лет по поводу совпадения Пасхи и Благовещенья и находящейся в Н4Л, С1Л и Новгородской Карамзинской летописях под 1380 г. после рассказа о битве на Дону (см.: Там же. С. 172). Но так как Повесть о Тохтамыше этих летописей не могла быть создана даже вскоре после 1563 г., следовательно, и сами летописи сложились много позднее. И тогда эта запись или вообще не приложима к датировке свода или упомянутых летописей (хотя непонятно, для чего она тогда была помещена в них), или эта запись заставит переместить их датировку в 30-е гг. XVII в. Может быть, в связи со всеми этими рассуждениями не следовало бы игнорировать такие сообщения Гейденштейна: когда спустя 16 лет (после 1563 г.) Стефану Баторию в 1579 г. удалось отвоевать у Ивана Грозного Полоцк, то там в то время владыкой был епископ по имени Киприан (в Повести о Тохтамыше — митрополит Киприан), а воеводой — Дорогостайский (в Повести — Остей) (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне... С. 69, 76).